

Интервью Евгения Евстигнеева

«Я СЧАСТЛИВ СВОЕЙ СУДЬБОЙ»

— Евгений Александрович, тридцать лет назад вы были приняты в труппу Московского Художественного театра. Но потом стали одним из организаторов «Современника» и отдали этому театру много лет жизни. Что побудило вас вернуться во МХАТ?

— Я выбрал МХАТ своим театром не случайно и не случайно много лет исповедую его веру. Почему же тогда ушел в «Современник»? Конечно, в определенном смысле это был протест. Но не против метода Художественного театра, а против его штампов, против сухого академизма, в котором этот метод растворился. Годы работы в «Современнике» — это замечательное время! Мы были молоды, были единомышленниками, и нас объединяла высокая идея — создать на сцене нового театра образ своего поколения. С тех пор понятия единства, братства для меня не абстрактные слова, а конкретные и непренные условия существования театра, условия творчества. На этом основана вся этика Станиславского — театр как коллектив единомышленников, как дом, где царит дух взаимопонимания и любви к искусству, к общему делу, где невозможны житейские дразги. Так что работа в «Современнике» не была изменой МХАТу, во всяком случае, для меня самого.

— Так, значит, вы считаете себя актером сдого театра — Художественного?

— Смею надеяться, что это так. Если, конечно, не понимать под этим приверженность к жизнеподобию на сцене. Искусство Художественного театра — очень широкое и очень емкое понятие. В нем возможно все: и драма, и публицистика, и гротеск, и фарс... Если, конечно, в поле зрения театра остается главный предмет его изображения и исследования — жизнь человеческо-го духа. Этот театр дает актеру огромные возможности!

— У вас есть все основания для такого утверждения. Зритель знает вас как актера очень широкого творческого диапазона, которому подвластны роли и остро комедийные, характерные и углубленно психологические. Должно быть, одни из них вы любите больше, другие меньше...

— Люблю играть все. Я не склонен замыкаться в каком-то одном жанре, отдавать предпочтение определенному стилю или методу. Вообще не люблю категоричных определений, бирок и ярлыков, слова «амплуа». По-моему, артист должен уметь делать на сцене все, что не противоречит его природе. Как актер МХАТа, я претендую на подлинную жизнь на сцене — и вместе с тем люблю некоторую преувеличенность, заостренность, парадокс, стараюсь отыскать их в любой своей роли. Люблю импровизацию, легкость. Когда зритель видит пот артиста — это плохо.

— Евгений Александрович, наверное, все ваши герои — это в конечном счете вы сами. Но вам приходилось играть и роли отрицательные, особенно в кино. К примеру, режиссера самодельного театра в «Берегись автомобиля» или вора-рецидивиста в телефильме «Место встречи изменить нельзя»...

— Если даже твой герой отрицательный и по-человечески не близок тебе, вовсе не значит, что его надо рисовать одной краской. В таких ролях я всегда ищу оттенки, неожиданные повороты, как раз включающие однозначность. Стараюсь глубоко скрывать свое личное отношение к отрицательному герою и играть его по возможности естественно и убедительно. То есть, и здесь стремлюсь работать от себя.

В кино вообще все по-другому, чем в театре, все доста-

точно случайно, несистематизированно. Если в театре (хорошем театре) хозяин — актер, то кино основано по преимуществу на желаниях и искусстве режиссера. В кино что-то получается лишь тогда, когда есть взаимопонимание с режиссером. У меня оно было с Рязановым, Худиевым, Аловым и Наумовым, Клавовым. С радостью работаю с молодым Кареном Шахназаровым, снялся в его фильмах «Мы из джаза» и «Зимний вечер в Гаграх».

— Интересно было бы узнать ваше отношение к этой последней работе.

— После этой картины мне приходят удивительно хорошие и теплые письма от людей самого разного возраста. Фильм вызывает у зрителей боль за человека — и это главное. По-моему, наряду с сильными и деятельными героями нам сейчас на экране и сцене нужен именно такой человек — не вылезаящий со своим «я», не претендующий на теплое место под солнцем, все понимающий, живущий достойно и честно. Мы тоскуем по таким людям, хочется, чтобы они были рядом.

Меня как киноактера эта работа в какой-то степени и подвела. Я нашел новый для себя стиль исполнения, новую манеру поведения на экране — спокойно, ровно, как бы ни на чем не настаивая. Уже не хочется сниматься в другой манере, не хочется гротеска, буффонады. Жаждешь роли негромкой и глубокой. А предлагают, увь, совсем другое.

Но все то, что я говорю о своих героях, отнюдь не означает моей актерской беспристрастности. Наша профессия предполагает острое чувство времени, гражданскую позицию. Больше скажу. Современный актер должен не только знать, что сейчас нужно людям, что для них особенно важно, что у них болит, но и пытаться угадать то, что «за кадром», что еще только просится на сцену, пока не сформулировано, но уже витает в воздухе.

Не случайно спустя почти двадцать лет я вернулся к роли Луначарского в спектакле «Большевики», который сейчас восстановлен в «Современнике». Спектакль этот, конечно, другой — мы играем его в другое время, для зрителей нового поколения. Но мысли, заложенные в пьесе, долговременны, если не сказать вечны, и поэтому так своевременно звучат они сегодня.

— Евгений Александрович, по-моему, будет естественным попросить популярного артиста театра и кино очертить круг своих интересов, привязанностей, вкусов — ведь все, что художник видит, любит и чувствует, так или иначе идет в его профессиональный актив.

— Люблю музыку, самую разную. Музыка очень помогает: работа над ролью, слушаю ее часами. Увлекаю ее еще в юности, когда был ударником в самодеятельном джаз-оркестре. Люблю путешествовать, фотографировать, мастерить что-нибудь, смотреть футбол. С наслаждением читаю. Слушаю Жванецкого.

В людях больше всего ценю способность ощущать и переживать боль чужого как свою собственную. Это дается трудно, но я мечтаю этому научиться. Думаю, что каждый человек должен стремиться всячески развивать в себе способность к сопереживанию, сочувствию... Не люблю зависть. Ненавижу хамство и подхалимство — две стороны одной медали. Не терплю назиданий, нравочений и готовых рецептов. Все аксиомы,

мне кажется, надо брать под сомнение, и к истине идти своим путем.

— Каким вы хотите видеть современного зрителя?

— Талантливым. Умеющим свободно ассоциировать, не боящимся быть сентиментальным. Как актеры, так и зрители — все с разной степенью одаренности. Зритель, который просто смотрит и равнодушно потребляет то, что ему предлагает театр, мне неприятен, называю его про себя «шесть на шесть». Есть и другой неприятный для меня зритель, который избирает пикантное, удобоваримое, не требующее душевных и интеллектуальных усилий. Он радостно реагирует на пошлость, на дешевую шутку — успех у такого зрителя раздражает актера. Требуется определенное мужество, чтобы не попасть к нему в плен.

В общении со зрителем нужно четко соблюдать свою цель — вести зрителя за собой. И если актер знает, чего он хочет, а зритель не боится происходящего на сцене, впустишь в свою душу — вот тогда и возникает та самая «вольтова дуга», незримая связь между сценой и залом. Актер, которому удается воссоздать на сцене живую ткань жизни и протянуть невидимую ниточку к сердцу зрителя, по-моему, может считать себя счастливым... Существуют театры с разной философией, разной стилистикой — у каждого из них своя правда в искусстве и свой зритель. Одни хотят послушать музыку Чехова, другим интересно посмотреть, что из Чехова сделала талантливая режиссура. Прекрасно, что театр такой разный!

— В этом году народному артисту, лауреату Государственной премии СССР, профессору Школы-студии МХАТ Евстигнееву исполняется шестьдесят лет. Интересно, что он думает о своей актерской и человеческой судьбе?

— Народный артист Евстигнеев и я — не совсем одно и то же, хотя он, с наградами, званиями и титулами, всегда со мной рядом. Но стараясь не подчиняться его заслугам, жить и работать независимо от них.

В театре сейчас идут репетиции новой комедии Михаила Рошина «Шерламутова Зинаида» — о позиции художника, о его жизни, мечтах. Буду играть в ней редактора журнала по фамилии Табак. Начинаются съёмки нового кинофильма о Шерлоке Холмсе, где мне предложена роль официального сыщика из Скотланд-Ярда Лестрейда.

Я счастлив своей судьбой. Она дала мне возможность духовного, интеллектуального существования в жизни, подарила мне много хороших людей. Мои замечательные учителя, партнеры по спектаклям, товарищи по сцене, мои друзья... Я счастлив, что работаю среди актеров, которые в театре живут, которые знают свое дело и ценят чужой труд. Люблю наблюдать за ними во время репетиций, иногда незаметно заимствую что-нибудь у них...

Судьба дала мне профессию, которую бесконечно люблю и которой стараюсь служить честно. Не представляю себя ни математиком, ни дипломатом, ни историком, и не знаю, что я смог бы сделать в любой другой профессии. Твердо знаю одно. Не стань актером, я бы мучился. Мне было бы плохо.

Беседу вела
Ирина МАМИЧЕВА.